

Что-нибудь эдакое

Глава I

1

Нежный свет весеннего утра красиво освещал Лондон, животворя и радуя всех, кто шел или ехал по Пиккадилли. Кондукторы отпускали шутки, шоферы мягко улыбались, полисмены насвистывали, равно как и клерки, нищие просили подавание с оптимистической прытью. Словом, утро выдалось хорошее.

Ровно в девять из квартиры 7А по Арундел-стрит вышел молодой человек.

Если есть на свете задворки, Арундел-стрит¹ можно к ним приписать. Проходя по северной стороне Лестер-сквер, вы и не заметите входа в узенький тупичок. День и ночь люди минуют его как ни в чем не бывало. В нем нет и сорока ярдов. Да, там есть две гостиницы — но какие? Словом, задворки, ничего не скажешь.

Формой своей тупичок похож на каменные сосуды, в которых итальянцы держат дешевое вино. Узкое горлышко сменяется чем-то вроде двора. По бокам от него стоят гостиницы, в глубине — мебелирашки для достаточно бедных людей. Их тоже собираются сменить гостиницей, но все не соберутся, так они и стоят.

Комнаты — небольшие, кровать скромно прячется за ширмой. Есть и стол, и стул, и кресло, и шкаф, и жестяная ванна,

© Перевод Н.Л. Трауберг.

¹ В данном сборнике имена собственные и географические названия даны в редакции переводчиков. — *Примеч. ред.*

которую можно оттереть. Все это вместе с завтраком — пять долларов в неделю. Эш Марсон платил их за квартиру 7А.

На двадцать шесть лет раньше у преподобного Джозефа Марсона и жены его Сары (Матч-Мидлфорд, графство Шропшир) родился мальчик. Назвали его так странно в честь богатого дяди — и зря, ибо дядя этот оставил деньги благотворительному заведению, мальчик же в свое время поступил в Оксфорд, чтобы заняться там богословием. Занимался он мало, зато пробегал милю за полторы минуты, а прыжки в длину принесли ему заслуженную славу.

Осчастливив многих своими победами над Кембриджем, он совсем забросил науки, а потому не обрел никакой пристойной профессии. Правда, он стал бакалавром, что позволило ему до поры до времени морочить ближних, давая уроки.

Накопив таким страшным образом немного денег, Эш приехал в Лондон и два года работал в газетах с переменным успехом, пока не вышел на издательский концерн «Мамонт», контролирующий несколько важных газет, несколько журналов и что-то еще, не гнушаясь жалкими деньгами мелких клерков и юных курьеров. Среди прочего он издает дешевые приключенческие книжки. Там и нашел свою нишу Эш Марсон. Именно его перу принадлежат «Похождения Гридли Квэйла». Раньше героев было много, равно как и авторов; теперь все выпуски, по одному в месяц, поставял только он. Ему платили, он на это жил на Арундел-стрит в доме номер 3, квартира 7А, из которой и вышел в то майское утро.

Он был высок, строен, красив (светлый взор, сильный подбородок), одет в свитер и фланелевые брюки, обут в гимнастические туфли. В одной руке он держал гантели, в другой — скакалку.

Вдохнув и выдохнув утренний воздух так мерно и важно, что вы бы сразу узнали столь популярное в наши дни «глубокое дыхание», он положил гантели и принялся скакать.

Если мы подумаем о том, как сопротивляется Лондон подобным зрелищам, мы удивимся редкому спокойствию молодого человека. В Лондоне можно бежать за шляпой или за omnibusом, можно прыгать, спасаясь от такси. Но бегать

ради легких, прыгать ради печени? Этого Лондон не простит, он высмеет вас.

Однако Арундел-стрит пока что не смеялась. Хозяин одной гостиницы смотрел куда-то вдаль; хозяин другой явно ни о чем не думал. В окнах появлялись головы, но ни одна из них не ухмыльнулась. Дети и те не смеялись, а кошка терлась о перила не оборачиваясь. Словом, мы могли увидеть, чего добьешься, если действуешь тонко и терпеливо.

Три месяца назад, поселившись в квартире 7А, Эш Марсон понял, что придется выбирать: или откажись от упражнений, которые поистине стали второй натурой, или бросай вызов неписаным законам травли. Колебался он недолго. Здоровье и сила были его заветом. Упражнения бросать нельзя, ergo — бросаем вызов.

Когда он впервые появился перед домом в тапочках, на него смотрели:

Два кебмена (один пьяный).

Четыре лакея из одной гостиницы.

Шесть лакеев из другой.

Шесть горничных из одной гостиницы.

Пять горничных из другой.

Хозяин одной гостиницы.

Хозяин другой.

Дворник.

Одиннадцать зевак.

Двадцать семь мальчишек.

Кошка.

Все смеялись, включая кошку. Пьяный кебмен пропел: «Вернись домой, Билл Бэйли!» Эш делал упражнения.

Через месяц аудитория свелась к последнему пункту. Мальчишки еще смеялись, но без той победной убежденности, которую давало им одобрение взрослых.

Теперь, через три месяца, Эш стал явлением природы. Упражнялся он рьяно, стремясь изгнать усталостью мельчайшего беса, который не давал покоя с самого утра. Весной нам хочется другой, более яркой жизни, а уж тем паче — в такое утро, когда самый воздух что-то обещает и предвещает. Тол-

стые немолодые джентльмены чуть не танцуют с зонтиками, а рассыльный свистит на ходу, восхищаясь жизнью.

Но юго-западный ветер несет и недовольство. Вдыхая запах странствий, мы горюем, что зря просадили жизнь. Именно это случилось с Марсоном. Никогда еще не был он так уверен, что попал в ловушку. Сейчас мысль о Гридди Квэйле была по голове, словно «тупое орудие», о котором мы так часто читаем в газетах. Скакалка не помогала. Он ее отбросил и взялся за гантели.

Не помогли и они. Он подумал, что давно не делал гимнастических упражнений Ларсена.

Лейтенант датской армии, носивший это имя, долго изучал анатомию, и теперь по всему миру многие завязываются узлом, верно следуя схемам его превосходной книги. Мышцы обретают консистенцию резины. Кровь резво бежит по жилам. Если вы не сдадитесь, придет время, когда вы сможете одним ударом убить быка.

Все так, но достоинства в этих движениях нет. Скажем больше: с первого раза они покажутся смешными. Король Генрих I¹, чей сын утонул вместе с кораблем, никогда не улыбался только потому, что еще не было Ларсена.

Скрутив тело в пробочник, Эш Марсон и не думал о том, что кто-то может засмеяться. Он был прав. Хозяин одной гостиницы скользнул по нему взглядом; хозяин другой откровенно глядел вдаль. Мальчишки молчали. Кошка терлась о перила.

Однако, раскручиваясь, он услышал сзади нежный, мелодичный смех. Три месяца назад он бы принял его как должное, но теперь — покраснел и обернулся.

В окне первого этажа сидела девушка. Весеннее солнце играло на ее золотистых волосах, светилось в синих глазах,

¹ *Генрих I* (1070–1135) — младший сын Вильгельма Завоевателя. Его сыновья, Уильям и Ричард (по материнской линии — внуки св. Маргариты Шотландской), утонули в 1120 г. Осталась только дочь Матильда, в будущем — мать Генриха II (1133–1189). — *Здесь и далее примеч. пер.*

которые, в свою очередь, зачарованно созерцали странное создание в фланелевых брюках. Секунды две девушка и Эш смотрели друг на друга; потом она нырнула в комнату, а он, вконец разбитый, собрал пожитки и пошел к себе.

Холодная ванна его не ободрила, а завтрак, предоставляемый хозяйкой, не ободрил бы никого. Когда Эш управился с клочковатой яичницей, горелым беконом и той цикорной жидкостью, которую кощунственно именуют кофе, он был совершенно несчастен. За письменным столом, пытаясь выжать из себя последнее похождение Квэйла, он просто вылетел от горя. Неотступный, хотя и мелодичный смех побуждал его мечтать о том, чтобы читающая чернь знать не знала никаких Квэйлов, а лично он, его создатель, лежал в могиле. Их зловещий союз длился больше двух лет, причем сыщик с каждым месяцем становился противней. В настоящее время он был исключительно самодоволен и ни в какую не видел, что одна лишь удача, поистине поразительная, помогает ему хоть что-то открыть. Словом, зависеть от него материально — все равно что сидеть на цепи у какого-нибудь дракона.

Отвращение к Квэйлу достигло апогея. Обычно Эш сперва выдумывал название, потом — подгонял к нему сюжет; и вот вчера, вдохновленный свыше, он написал на старом письме: «Волшебная палочка смерти».

Теперь он смотрел на эти слова, как смотрит вегетарианец на гусеницу в своем салате. Вчера ему казалось, что заглавие — лучше некуда. Допустим, но что оно значит? Что это за палочка? Пока ты этого не понял, ты ничего не напишешь — однако нельзя швыряться такими заглавиями. Эш грыз вечное перо и ерошил волосы.

И тут постучались в дверь.

Он резко повернулся. Сколько можно говорить хозяйке, чтобы она не мешала, когда он работает! Быстро перебрал в уме язвительные ремарки, он крикнул:

— Да-а!

Вошла девушка, та самая девушка с синими глазами, которая смеялась над гимнастикой Ларсена.

— Я так и думала, что вы писатель!

— А вы?

— Я тоже. Вам не попадалась газета «Светские сплетни»?

— Нет.

— Рада за вас. Жуткая газета. Выкройки, советы влюбленным. Я каждую неделю даю рассказ про графа или про герцога. Подписываюсь по-разному. Ужас, не работа!

— Сочувствую, — сказал Эш, — но мы ушли от дела. Что такое палочка смерти?

— Волшебная?

— Естественно.

Девушка подумала.

— Ну как же! Палочка слоновой кости. Ее украли из индийского храма и верят, что всякий, кого она коснется, умрет. Она попала к герою, жрецы ему угрожают, шлют письма...

— Да вы гений!

— Что вы!..

— Гений, не спорьте. Я все вижу. Герой приглашает Гридли Квэйла, этот надутый идиот при помощи самых диких случайностей раскрывает тайну, а я получаю деньги на следующий месяц.

Девушка с интересом посмотрела на него:

— Вы автор «Гридли Квэйла»?

— Только не говорите, что вы это читаете!

— Нет, не читаю. Но издает его то же издательство, и я часто вижу эти выпуски.

Эш обрадовался, словно встретил в пустыне старого друга.

— Вы пишете для «Мамонта»? Ну, мы рабы с одной галеры! Придется стать друзьями. Правда?

— Я была бы очень рада.

— Тогда присядьте, поболтаем.

— Да вы работаете!..

— А вы меня спасаете.

Она присела. Казалось бы, просто, но Эш понял многое; скажем, она не села на край стула и не развалилась в кресле. Этикет не так уж строг на Арундел-стрит; те, кто живет

в большом городе на небольшие деньги, ощущают себя особым братством.

— Представимся друг другу, — спросил Эш, — или миссис Белл сказала вам, как меня зовут? Кстати, вы здесь недавно, да?

— С позавчерашнего вечера. А как вас зовут, я сама знаю. Феликс Кловли.

— Господи! Неужели вы думаете, что человека могут так звать? Это я прикрываю свой стыд. Зовут меня Эш Марсон. А вас?

— Джоан Валентайн.

— Расскажите историю своей жизни, или мне сперва рассказать?

— Мне и рассказывать нечего.

— Ну-ну!

— Нечего, правда.

— Подумайте. Родились вы?

— Да.

— Где?

— В Лондоне.

— Вот видите. А я — в Матч-Мидлфорде.

— Не слышала.

— Странно! А я о Лондоне слышал. Надо бы прославить Мидлфорд, но, видимо, — не мне. Я неудачник.

— Сколько вам лет?

— Двадцать шесть.

— Как же вы можете знать, удачник вы или неудачник? Мне стыдно за вас.

— Да я же умею только писать про этого Квэйла!

— Почему «только»? Попробуйте делать что-нибудь еще.

— Что именно?

— Ну, что-нибудь этакое. Господи, вы — в самом большом городе мира, приключения — куда ни глянь, шансы просто кишат...

— Я их не вижу.

— Читайте газеты. Особенно объявления. Непременно что-нибудь найдете. Смелее! Кидайтесь на любой шанс...

Эш кивнул:

— Так, так, так. Говорите, говорите.

— А без меня вы не догадались? Лондон такой большой, тут столько всяких возможностей. Я осталась без гроша пять лет назад. Не важно почему. И что же? Я печатала на машинке, играла в театре, была гувернанткой, компаньонкой, горничной...

— Горничной?

— А что такого? Очень занятно. Куда лучше гувернантки.

— Да, понимаю. Я был учителем. Интересно, что бы сказал об этой профессии генерал Шерман?¹ Это вам не какая-то война! Значит, занятно быть горничной?

— Еще как! И потом, я изучила графов и герцогов, все со мной консультируются.

Эш вдохнул воздух — не научно, а восторженно.

— Какая вы молодец!

— Я?

— Ну, храбрая такая.

— Что ж, по мере сил. Мне двадцать три, я мало сделала, но неудачницей себя не считаю.

— Молодец, каких мало. Просто заочные курсы «Как обрести успех». Вы бы и медузу раскачали.

— Если я вам правда помогла...

— Не обижайте меня опять! Хотя я заслужил... Да, вы мне помогли. Я воскрес. Давно себя так не чувствовал...

— Это весна.

— Да, наверное. Мне кажется, я сделаю что-то особенное.

— Что ж, делайте. Вот у вас «Морнинг пост». Вы ее читали?

— Проглядел.

— Прочитайте объявления.

— Хорошо, хотя, по-моему, там одни жулики.

Джоан встала.

— До свиданья, — сказала она, — вам надо писать, мне — думать про герцога. Простите еще раз, что я тогда смеялась.

¹ Уильям Шерман (1820–1891) — генерал северян в гражданской войне США (1861–1865).